

Праздник плуга оборвала война

Услышав страшное известие, люди падали на землю и скребли её руками

...На 22 июня 1941 года в Балтачевском районе был намечен сабантуй. И сельчане, принаряженные, в придонном расположении духа, спешили к месту торжества. С тех пор осталось в памяти солнце, как бы виновато сбежавшее в тучи, женский плач и отчужденно-суровые лица мужчин, они в тот же день начали получать повестики. Очевидцев тех событий в живых сейчас осталось не так уж много, фронтовиков и того меньше. К тому же, как ни странно, они очень друг на друга похожи. Какой-то несгибаемой крепостью духа. Необыкновенной терпимостью к сложным временам, в которых довелось им жить, и великодушной любовью ко всем окружающим. Это особая стойкая порода людей — участники Великой Отечественной и труженники тыла, которые к ним неспроста оказались приравненными. Во всяком случае те из них, которые повстречались нам в поездке по Балтачевскому району, несмотря на всю свою впечатлительность и душевную хрупкость, на преклонные годы и неизбежные хвори, преданности Отчизне по сей день исполнены спола.

Лес Мавлитьяна

Идая Гаялутдиновна и Мавлитьян Шакирович Нуриевы из деревни Тошкурво на фронте Великой Отечественной войны по причине слишком малого на тот момент возраста не сражались. Но это не значит, что война прошла мимо них: в 1941 году им было по десять лет. А сейчас их огород упирается в странной, на первый взгляд, лес. В нем растут самые разные деревья: ивы, ливневники, березы — все, которые имеются в этих местах. Впрочем, не только в этих: даже красавец кедр прижился, правда, со второго раза. Первый погиб. Пришлось другой везти из Сибири. Всего деревьев — сто пятьдесят. Именно столько тошкурвовцев не вернулось с фронта. В память о них и посадил Мавлитьян свой лес. Сначала начал делать это в память об отце, брате, а потом решил, что и остальные одолевшие, погибшие на войне, ему не чужие.

Жена, несмотря на то, что иногда шутила ворчала, мол, лучше бы капусту поливала, мужа всегда поддерживала в таких делах. И сейчас поддерживает. Рассказывает живо, охотно и про нынешнее житье-бытие, и про годы войны. А Мавлитьян, скрепя руки на груди, хохочет так заразительно, любящая своей словоохотливой половиной, с которой готовится девятого июня отметить золотую свадьбу, словно только что влюбившийся мальчишка. Наверное, сам того не ведая, старается компенсировать этим смехом свои горькие, недетские сороковые годы...

В первые дни войны еще было что кушать. А потом — просто беда. Какой вкусной казалась им мерзлая, гнилая картошка, выкопанная из-под снега! Та самая, которую осенью за непригодность оставили на земле. Промышлять ходили в чужую деревню — на своих полях уже все подчистую подедали. Идаю, несмотря на то, что маленькая, очень удаленная была: увидит, что взрослые почли, схватит ведро и за ними бегом. Даже если ноша оказывалась потом не по силам, загружала ее на плечо и все равно тащила. Такая тягость — в радость была.

Еще собирали колоски, сушили, мельчили — делали круп. Старались краем поля ходить, по пути срывали верхушки ржи и складывали за пазуху или в подол. Если ловили — были плеткой, даже детей. А каким хлеб бывает, постепенно стали забывать. Когда кто-нибудь все-таки умудрялся испечь его — запах почему-то на всю деревню стоял, вот меньше-то было! Детей уговаривали побольше спать — тогда их один раз кормили. Голод легче переносили.

Однажды Идаю пошла за водой. Слышит, неподалеку под солохой кто-то вроде пищит. Она солому распала, а там одноклассник, совсем обессиленный от голода, прилеп, а встать сил нет. Просит принести хоть крошку ржи. Тем, кто работал, платили мукой, развешивали ее, как в аптеке, чайной ложечкой. Лошадь к голоду умирали прямо на скотном дворе. А дети превращались в маленьких лошадок, все время что-то таскали на себе: то воду, то вязанку дров...

С огнем тоже была проблема, спичек-то в войну не достать. Друг к другу за ним ходили, увидят, у кого дымок вьется, — туда и шли. И носили уголек по деревне, почти как олимпийский факел по планете: масштабы разные, а суть одна — символ желанного мира. А еще были толстые веревки из гнилой пакли, поджигали и под стол прятали, такой огнепровод ярко не горел, но и не гаснул, только следить за ним приходилось постоянно.

Мама Идаю однажды ушла в другую деревню на заработки, и четыре ночи ее не было. Девочка все это время совсем ничего не ела — только спала. И просыпалась не хотелось. А когда открывала глаза — солнце казалось красным. Когда мама вернулась, дочь насили поставила на ноги. У многих в губах, языке появлялись болезненные пузырьки. Говорили, это от того, что пища была отравлена войной. Бомбили с воздуха интенсивно, небо «загрязнялось», и потом все «грязь» падала на землю. Независимо от того, что линия фронта была далеко от Балтачевского района, — так считали. И утверждали, что иногда, когда выходили ночью на улицу, небо было багровым — тоже от бомбежек.

Когда война закончилась, стали возвращаться оставшиеся в живых. Иногда жизнь преподносила такие сюрпризы, с которыми никакие модные нынче душещипательные сериалы не сравнятся. Местная учительница получила похоронку на мужа. Плакала, переживала — одна с сыном осталась. Прошло время, жизнь брала свое: появилась демобилизованный по ранению парень, которому приглянулась молодая вдова, стал ухаживать, поженились. А через полгода муж вернулся целый и невредимый, оказалось — похоронку по ошибке послали. Встретились. Он упрекать не стал, сказал только: «Ты другая стала. Стриженная теперь...». И уехал жить в соседнюю деревню.

Брат Идаю, Фатмиган, когда вернулся, рассказывал: один молодой боец в пляс пустился от известия про победу, радовался как ребенок, что теперь жениться можно, кричал: «Скорое домой!». А в это время в него снайпер целился. И так попал, что парнишку вверх сначала подбросило... А Фатмиган ушел, несмотря на то, что снаряды не раз оdedали рвали — до тела все-таки не добрались. Только пальцы обом не сильно поморозило.

Мирная жизнь уже прочно вошла в свою колею, когда Мавлитьян повстречался с Идаей — вместе ехали на попутной машине. Сначала он ей не болно понравился, но уж очень настойчив был и решителен: вскоре приехал за ней на тарантасе и увез к себе.

Идаю была очень ловкой девочкой, как паук, на дерево без единого сучка могла забраться, а работать пошла в совхоз дояркой, и много в том преуспела. Рекорды била, что семечки лузгала. Например, за 1956 год от одной коровы надоила 5600 килограммов молока. Награды получала, призы, и в Москве бывала, и за границы — в Чехословакии. С детства привыкла к тяжелой работе и любила ее. Некоторые приходили на ферму и

не выдерживали — так руки болеали. А ей все ничем. Впрочем, как-то надумала уйти. Ей сказали: «Мы же тебя любим. Чуть ли не на руках носим». И она осталась.

Мавлитьян в труде себя тоже не жалел: плотником весьма мастеровым в родной округе сыл. Считай, всю деревню рамами для окон обеспечил. А потом лет десять работал в Тюмени. Идаю без него в это время сноху нажила. И по сей день они с женой сына Фатима Илиусой друг в дружке души не чают. Живут молодые рядом со стариками, помогают во всем. Дочь Гузель и второй сын Анигам, хотя и уехали из родных мест, без внимания родителей тоже не оставляют. Слово, на отсутствие радости на старости лет жаловаться не приходится.

А Мавлитьян-агай не только автор лесного памятного павшим, но и хозяин родника. Он сам его откопал и благоустроил. И питьевая вода у них всегда своя собственная, чистая, как слеза, и прозрачная, как роса. За оградой в готовности номер один стоят широкие охотничьи лыжи, сделанные плотником Мавлитьяном собственными руками. На них глава семейства, как морозовое-вода, обходит свои владения. Однажды такой обход закончился печально: накануне Нового года одну елочку срубили. Фашисты убили человека на войне. А кто-то из одолевших вырубил память о своем земляке, который никому здесь врагом быть не мог. Мавлитьян-агай измерил диаметр пенька, ходил по домам, примеривался к новогодним елкам. Искал и плакал. Говорят, нашел. Но так никому и не сказал, кто сотворил такое...

Богиня, измеряющая даль

Бывшая зенитчица Ганида Миневаиевна Валеева живет в крохотном, но уютном домике: на ее окошке асиково жмурится пушистая белая кошка рядом с розовым цветком в горшке. Если у хозяйки поднимается давнее, красавица Марта устранивается на плечо, и начинается сеанс «кошкотерапии», в эффективности которого сомневаться не приходится.

В детстве Ганиду звали просто Галкой, как галочка, выпавшего из гнезда. Чита в определенной мере соответствовало истине: ей было два с половиной месяца, когда умер отец, матери приходилось очень много работать, а дочери коротать время в ожидании у родственников.

Когда мама батрачала у богатого купца в другой деревне, тетю с дядей, приютивших ребенка, пришли раскулачивать. Дядя Гадель тогда был председателем колхоза. И в восемь лет девочка осталась одна, на улице, без жилья и еды. Она пошла разыскивать мать, но богачу не понравилось, что у батрачки появился «хвост», и он прогнал их. Мама пошла работать техничкой в Старобалтачевском сельсовете, а Ганида стала учиться в школе. Окончив ее, устроилась в нарсад, получила направление на юридические курсы, затем работала адвокатом. А перед тем, как отправиться на фронт, отучилась на курсах полевых командиров.

О вероломном нападении фашистской Германии, как и большинство балтачевцев, узнала во время сабантуя. Женех ее Тахир к тому времени уже окончил командную школу и был отправлен в Латвию. Ганида еще в школе училась, когда они познакомились. Очень приглянулась ему красивая и статная девочка, артистка да певица... Встречал ее из школы, провозжал домой.

Тахир погиб сразу — в сорок первом. Она не преданная ему невеста не верила похоронке долгих двадцать лет, продолжая ждать.

***

Мама, узнав, что дочь отправляется на фронт, заехала в дорогу единственную курицу. До Уфы ехали на лошадае. По прибытии ей, как новобранцу, выдали винтовку, противогаз и ботинок сорок третьего размера — ноги в них болтались, как карандаши в стакане, — и отправили на Курскую дугу.

Пока ехали в шезлохан, ни о чем особо не беспокоились. За солдат на войне думают командиры. Да и страшно не было, потому что все были вместе, старались друг друга от горьких дум отвлекать, рассказывая разные истории.

Ганиду Валееву назначили старшей по дальномеру — это прибор, который обрабатывает данные (расстояние до цели, скорость движения, высоту полета, если это самолет) и дает ориентиры для пушек. Курская битва к тому времени уже начала затихать. Девушек из Башкирии поставили охранять аэродром около деревни Вишневка...

На войне в основном жили в землянках, сами их рыли, наравне с мужчинами — там никаких льгот не полагалось, поблажек женщинам не делали: надела солдатскую форму, будь добра исполнять приказ. О смерти и о том, что страшно, старались не думать. Не рассуждали, знали: от солдат ждут выполнения обязанностей — и он их должен прилежно исполнять. А потом, после отбоя, лежат в землянке, вспоминают прошедший день и не всегда верят, что остались живы...

Трусость — скверное дело, она в боевых условиях заразна. Стоит одному испугаться, все, кто рядом, тоже начинают бояться, хотя и не показывают виду. Самое важное на войне — преодолеть страх. В соседней батарее был случай: расстреляли за дезертирство бойца, который сбежал и винтовку с собой взял. А в мирное время такие и друзей предадут, и жен с детьми на произвол судьбы бросят.

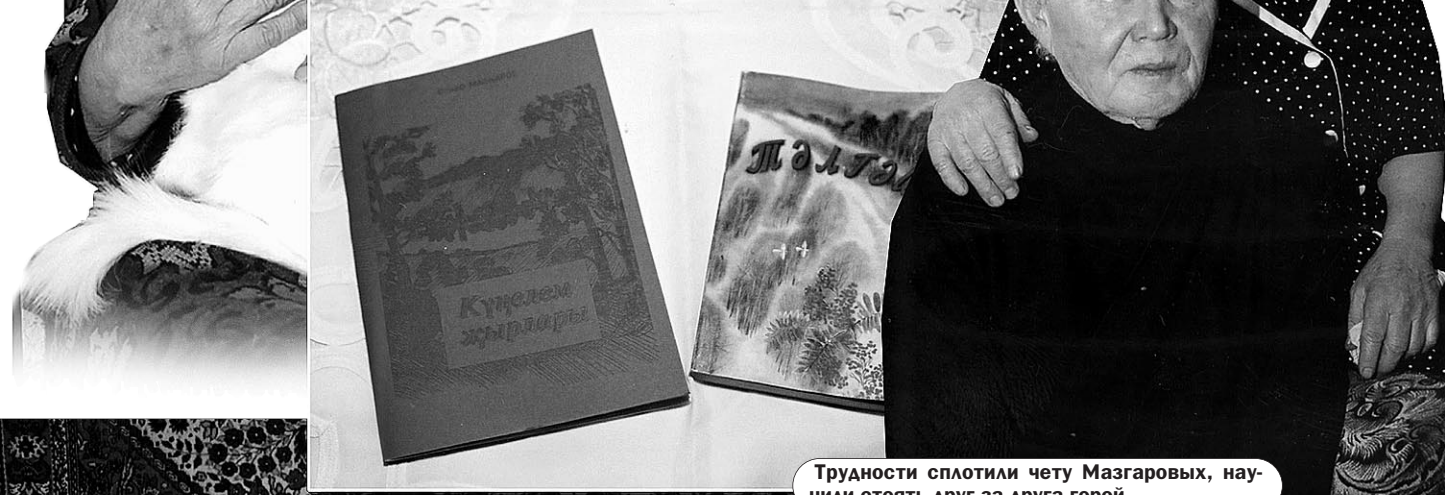
Вот так тихо и печально рассуждала Ганида Миневаиевна, вспоминая военные годы. Печаль эта была навеяна не сороковыми роковыми, а совсем свежей скорбью: две недели назад похоронила она единственного сына.

...Смотрели мы фотоальбом. На стареньких снимках — статная красавица, исполненная достоинства и доброты. И сравнивали с той, что перед нами. Черты лица как-то сморчились под гнетом лет, зато перичество добавило какой-то благородной привлекательности, и результат на восьмидесять первом году

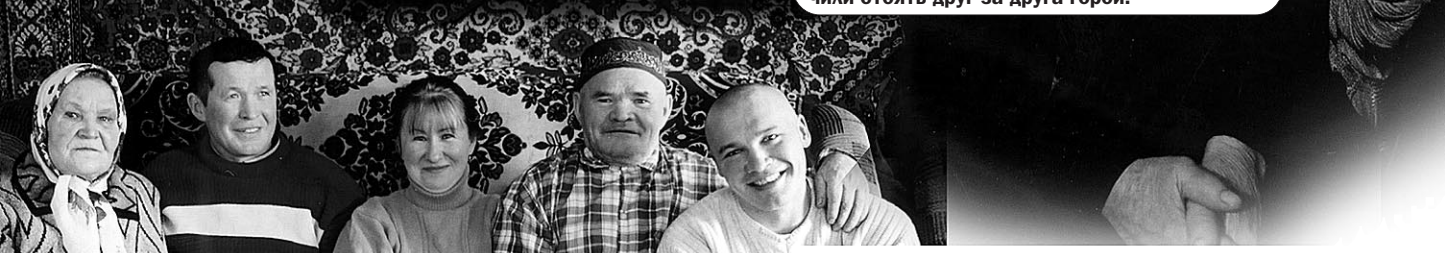

В районных военных парадах Ганида-ага принимала участие в образе Родины-матери.

РОДИНА - МАТЬ ЗОВЕТИ

Трудности сплотили чету Мазгаровых, научили стоять друг за друга горой.

Мавлитьян-агай не только глава веселого семейства и автор леса-памятника, но и хозяин родника, в котором вода чиста как слеза.

Фото Рината РАГАТОВА, коллаж Станислава НИКОЛЕНКО.

жизни в итоге оставался прежним. Наверное, красота в настоящем человеке способна жить по закону сообщающихся сосудов: слабеет внешняя — набирает силу внутренняя...

Эту догадку подтвердила запись, сделанная на обложке фотоальбома в декабре 1980 года:

«Моему единственному, любимому сыну Марату от мамы.

Жизнь дорога каждому человеку, каким бы он ни был. Жизнь — постоянная надежда на лучшее. Оди подрастывают под этим лучшим материальное состояние, другие — моральное удовлетворение, третьи — и то, и другое. Но умирать не хочется никому.

...В глубоком понимании горя, душевного страдания, скорби таится огромная нравственная сила, помогающая людям мужественно переносить тяжкие удары судьбы.

По сути вся ее жизнь — это боевой путь. Путь борьбы с ударами судьбы. С военной поры заболало многое — слишком молодая была, понимала еще мало. А может, психика таким образом самозащитилась, отсекая лишнее... Но ощущение после боя врезалось в память прочно: убитые лежат порой без голов, без рук — смотреть страшно. Раненые кричат, просят застрелить (нет сил такие мучи терпеть) — слышать все это невозможно.

А то, что довелось увидеть Ганиде в Освенциме, и по сей день забыть невозможно, хотя это был уже освобожденный лагерь смерти. Там осталось много золь, никому не нужной одежды и горы детских ботиночек...

А в громадной печи так и застыли не до конца сгоревшие тела людей.

Украинский городок Черкаска на Днепре тоже запомнился хорошо: такая красота вокруг, а город на берегу весь разрушенный. Стояли возле санатория «Сосновый бор», воду брали из колодца, не знали, что немцы туда тела убитых скидывали.

Здесь же Ганида получила комплексное ранение, осколки попали в брови, в руку. Глаза спасли резиновые накладные, при помощи которых гадела в прибор. В госпитале по этому поводу не лежала ни дня: наложив швы, через неделю сняли их и дальше пошла воевать. После войны была у нее мечта по бывать в тех местах, в санатории «Сосновый бор». Не довелось. А сейчас уже и возраст на привязи держит.

Как ни старалась Ганида-ага, не смогла вспомнить ни одного забавного случая на войне. Разве что завшивели однажды. На фронт она уходила с роскошной кофной воде. А после этого случая ее пришлось сослать в лагерь смерти.

Здесь же Ганида получила комплексное ранение, осколки попали в брови, в руку. Глаза спасли резиновые накладные, при помощи которых гадела в прибор. В госпитале по этому поводу не лежала ни дня: наложив швы, через неделю сняли их и дальше пошла воевать.

Потом начались мирные будни. Ганида работала, не покладая рук. Все надеялась: придет Тахир с тепер уже далекой войны. В 1960 году вышла замуж, но жизнь с мужем не сложилась.

— Мам! Это я вернулась!

Дочь уходила на фронт юной девочкой, а вернулась в двадцать один год уже седая... Потом еще долго не давала спать по ночам — кричала во сне. Мама будила ее и спрашивала:

— Доченька, почему так кричишь? А как было выразить ужас, который вошел в нее вместе с пережитым?

Потом начались мирные будни. Ганида работала, не покладая рук. Все надеялась: придет Тахир с тепер уже далекой войны. В 1960 году вышла замуж, но жизнь с мужем не сложилась.

Наверное, недаром зенитчиков образно называли богами войны — именно они зачастую диктовали ход событий. Но в мирное время вряд ли кому даже из числа зенитчиков по силам было устроить свою судьбу строго по собственному разумению. Потому удавшийся жизненный путь измерялся скорее не количеством приятных эмоций, а уровнем достоинства, с которым испытывать преодолевались. У Ганиды Миневаиевны можно научиться умению оставаться человеком с большой буквы при любых обстоятельствах.

— Девочки, собирайтесь домой — война кончилась.

А они не верят, комбат-то молчит!

Пожалуй, самыми нестерпимыми за все эти годы выдались последние три месяца после победы: ждешь возвращения домой оказалось труднее всего.

И хотя официально война закончилась, бандеровцы еще долго разрезали подлопно на машинах в нашей военной форме, исподтишка стреляя в советских солдат и офицеров.

В родные края Ганида добиралась вместе с Нафисой Зариповой из Татышлинского района. Тогда у каждой станции дежурили люди с лошадами, которые встречали победителей и везли поочередно от одной деревни к другой, передавая следующую извозчикам.

Мама не слышала стука дочери в дверь. А когда услышала, побоялась открывать — все-таки три часа ночи. Тогда Ганида закричала, что было сил:

— Мам! Это я вернулась!

Дочь уходила на фронт юной девочкой, а вернулась в двадцать один год уже седая...

Потом еще долго не давала спать по ночам — кричала во сне. Мама будила ее и спрашивала:

— Доченька, почему так кричишь? А как было выразить ужас, который вошел в нее вместе с пережитым?

Потом начались мирные будни. Ганида работала, не покладая рук. Все надеялась: придет Тахир с тепер уже далекой войны.

В 1960 году вышла замуж, но жизнь с мужем не сложилась.

Наверное, недаром зенитчиков образно называли богами войны — именно они зачастую диктовали ход событий.

Но в мирное время вряд ли кому даже из числа зенитчиков по силам было устроить свою судьбу строго по собственному разумению.

Потому удавшийся жизненный путь измерялся скорее не количеством приятных эмоций, а уровнем достоинства, с которым испытывать преодолевались.

У Ганиды Миневаиевны можно научиться умению оставаться человеком с большой буквы при любых обстоятельствах.

Гибли стихи под бомбёжкой

Мы огорчились, узнав, что Ахнаф Мазгарович не сможет принять нас по причине плохого самочувствия. Однако настаивать опасаемся, потому как знали: несмотря на давность событий, фронтовики без волнения вспоминали о них не могут. Конечно, соблазн расширить с пристращением о фронтовых буднях с учетом малоизвестных деталей был огромен, но не могли позволить себе этого в той мере, в какой хотелось бы, дабы не спровоцировать повышение давления и учащения пульса.

Но к вечеру все же робко заинтересовались: может быть, Ахнаф Мазгарович почувствует себя лучше? И получили приглашение. На фронт Ахнаф Мазгарович пошел семнадцати лет от роду в январе 1944 года, будучи учеником десятого класса. А сейчас нас встретил аккуратно одетый, невысокий человек в тобетейке, чуть застенчивый и вместе с тем предельно искренний. В нем и теперь угадывался мальчишка, сначала ошеломленный тем, что в пятнадцать лет ему довелось стать колхозным бригадиром, потом — необходимостью выполнять свою работу под оглушительный свист пуль и рев снарядов.

Родился Ахнаф в деревне Чурпаново в самый что ни на есть международной женский день 1926 года. Закончил семилетнюю школу, в восьмой класс пошел в Балтачево, но дальше учиться не смог — и потому, что началась война, и потому, что за учебу после восьмого класса нужно было платить. Когда стало известно, что Германия напала на Польшу, особенно не беспокоились: мало ли что в мире творится — от нас это далеко. Но когда на сабантуе в Балтачево председатель райисполкома объявил о подломе нападении, все сразу поникло и омрачилось. Мужчины все ушли на фронт, и подросткам пришлось взять на себя самую тяжелую работу. Но гораздо труднее было управляться с людьми. Представьте себе: раннее утро, идет по селу семнадцатилетний бригадир, а навстречу женщина с детьми — человек пять-шесть, и все плачут: похоронку получили, а ребяткишки еще и голодные настолько, что терпеть не могут. У бригадира сердце щемит от боли за них, но все равно вынужден напомнить: надо на жатву идти. И они идут, вытирая слезы...

Несмотря на то, что на фронт Ахнаф пошел уже в конце войны, испытаний на его долю все равно хватило. Когда привезли в Мелитополь, выдали прифронтовой паек. А до этого нумачились, шли прямо босиком по грязи ночью, лапти носились, голодали... И наконец сварили кашу в котелке, открыли консервы, навелись досыта, лежат и думают: «Так жить можно».

Воевать довелось в составе Первого Белорусского фронта связистом, так и тянула свою катушку сквозь непогоду и огонь в любое время суток (но чаще в темное, чтобы враг не видел) и дошел до самого Берлина. Сражался под непосредственным командованием Рокоссовского, затем маршала Жукова. Очень просто держались легендарные военачальники, сами ничего не боялись и ободряли солдат. Все их уважали, любили. Из военных историй запомнились случаи, как тянули связь за Одером. С одной стороны был глубокий овраг. Для того, чтобы протянуть провод, решили использовать столб, только к нему подходить — бешеный шквал огня поднимался. Ахнаф с товарищем прыгнули и прямо вниз кубарем покатались, думами, расшвысь на смерть, но целы остались, и снаряды их не догнали. С тех пор сделал для себя главный вывод: ни при каких обстоятельствах о смерти думать нельзя. Они и не думали. Вопреки всему старались не тужить, жить дружно. И это получалось, несмотря на то, что трудно и страшно было, в одной связке шли люди самых разных национальностей и возрастов. Старшие жалели младших, старались оберегать, помогать. Беда и трудности, оказалось, способны особенно сплачивать людей, объединять, учить стоять друг за друга горой. Кроме того, была главная цель — защищать Родину, всё и все ей подчинялись беспрекословно. Ни о какой личной выгоде никто никогда даже не вспоминал. О себе забыли напрочь. Иначе бы до победы не дожили.

Когда освобождали Польшу, местное население встречало войска радостно. Командиры солдат постоянно предупреждали: никаких грабежей, никакого рукоприкладства — иначе трибунал. Внушали: «Мы идем как воины-освободители. Мы — не каратели». И все это понимали, и в Польше с этим проблем не было: относились друг к другу как лучшие друзья.

Затем форсировали Одер, вступили в Германию, занимали и расширяли плацдарм. Там рядом были уже настоящие враги. Как поступить? Кровь за кровь? Смерть за смерть? У Ахнафа старший брат погиб, зять... За них же надо отомстить! Наши солдаты так долго шли к тому, чтобы разбить врага на его земле. И в то же время чисто по-человечески понимали: не все немцы поддерживали фашистский режим. По мере продвижения войск местные жители бросали все в своих домах и уехали дальше на Запад — боялись расправы. В тех местах, где пытались сберечь от наших войск, уже была такая плотность населения, что не хватало даже воды, не говоря о пище.

Голодные женщины и дети встречали воинво-освободителей со страхом в глазах. Уже после войны Ахнаф Мазгарович написал стихотворение: «Я видел и такую победу: когда солдат, преодолевший свою месть, отдаст хлеб детям врага». Нам надо было учиться этому... Хозяин дома вдруг неожиданно замолчал и по щеке его прокатилась слезинка. Мы решили сменить тему.

Ахнаф Мазгарович и до войны, и во время нее всегда писал. Жаль, что во время бомбежки сорвал целый мешок стихов. Мечтал быть философом, стал отличником народного просвещения, впрочем, одно другому не мешает... Много лет отдал школе, любил физику, химию, математику, а в молодости стихи писал и на заказ, всем желающим. Когда вышел на пенсию, начал вспоминать о войне, писать о жизни. Издал три книги, одна из них — «Песни моей души». Все стихи ему одинаково дороги: «Хлеб родной земли», «Река Таныш», «Дорога дружбы», например, о том, как в автобусе собрались люди разных национальностей, все едут и поют, и это напоминает об отношениях солдат на фронте.

Было время, когда ветеранов войны не уважали, вне очереди за хлебом или к врачу, как им было положено, не пропускали. Даже говорили: «Те, кто воевал, погибли, а эти, как военные вернулись, неизвестно где отсиживались». Очень обидно было такое слышать.

Голодные женщины и дети встречали воинво-освободителей со страхом в глазах. Уже после войны Ахнаф Мазгарович написал стихотворение: «Я видел и такую победу: когда солдат, преодолевший свою месть, отдаст хлеб детям врага». Нам надо было учиться этому... Хозяин дома вдруг неожиданно замолчал и по щеке его прокатилась слезинка. Мы решили сменить тему.

Ахнаф Мазгарович и до войны, и во время нее всегда писал. Жаль, что во время бомбежки сорвал целый мешок стихов. Мечтал быть философом, стал отличником народного просвещения, впрочем, одно другому не мешает... Много лет отдал школе, любил физику, химию, математику, а в молодости стихи писал и на заказ, всем желающим. Когда вышел на пенсию, начал вспоминать о войне, писать о жизни. Издал три книги, одна из них — «Песни моей души». Все стихи ему одинаково дороги: «Хлеб родной земли», «Река Таныш», «Дорога дружбы», например, о том, как в автобусе собрались люди разных национальностей, все едут и поют, и это напоминает об отношениях солдат на фронте.

Было время, когда ветеранов войны не уважали, вне очереди за хлебом или к врачу, как им было положено, не пропускали. Даже говорили: «Те, кто воевал, погибли, а эти, как военные вернулись, неизвестно где отсиживались». Очень обидно было такое слышать.

Ахнаф Мазгарович победу встретил под Берлином. Стоял на посту. Приходит командир, зовет: «Иди сюда». Он не идет — пост нельзя покидать. Командир опять зовет. Потом ему уже надоело звать, как кричит:

— Иди, тебе говорят! Война кончилась!

И Ахнаф пошел в казарму, по пути стрельну в воздух, все выскочили, так радовались! А демобилизоваться удалось только в 1950 году. Приехал, родные ничего не знали, не ждали. Все были дома в полном составе. Зашел — родня сбежалась, вскоре вообще все село собралось.

Ему предложили работать учителем. Потом учился, снова работал. Попал в Тучубаевскую среднюю школу, где трудилась одна очень хорошая и красивая учительница. Звали ее Райна Гатуфровна. Буквально на днях семья Мазгаровых будет отмечать золотой юбилей совместной жизни, которая, по их мнению, очень даже удалась: выросли три их детей, тоже добрых и весьма достойных — Лилио, Резеду и Наифа.

Уже прощаясь, Ахнаф Мазгарович сказал: «Когда нас старики провожали на войну, говорили: «Там, если пуля не попадет, выжить можно, а мы тут — по голоду помрем». Меня как-то спросили: «Не обидно, что жизнь прилась на такое трудное время?». А что сделать? У каждого поколения своя судьба. И у каждого человека должен быть в жизни долг. И мы его выполняли, внесли свою лепту в общую победу, в которой — и кровь солдат, и пот труженников тыла. Ни один из фронтовиков не может быть нечеловечным. И я очень жалею тех, кто плохо живет, болеет, и старюсь им помогать.

Вряд ли кто-то с этим осмелится спорить. И не только потому, что житейская мудрость пришла к нашему герою с военной поры...

Ирина НИКОЛЕНКО.